

На правах рукописи

КРАСНОЯРОВА Анна Александровна

«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Специальность 10.01.01 — русская литература

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Пермь — 2019

Диссертационная работа выполнена на кафедре русской литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Научный руководитель: **Кондаков Борис Вадимович** — доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты: **Быков Леонид Петрович** — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Соболева Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Защита диссертации состоится «__» _____ 2020 г. в 1_:00 на заседании диссертационного совета Д 212.189.11 в ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, зал заседаний Учёного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Электронная версия текста диссертации доступна на сайте ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве образования и науки РФ: <http://vak.ed.gov.ru/vak> и на сайте ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 201_ г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

И. Ю. Роготнев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В литературоведении 1990–2010-х гг. стало популярным исследование различных вариантов «тематических» текстов.

Тематические тексты могут быть объединены пространственным локусом, – например, Петербургский текст (В. Топоров), Венецианский текст (Н. Меднис), Пермский текст (В. Абашев), – или личностью выдающегося деятеля культуры: «пушкинский текст» (М. Гаспаров), «дягилевский текст» (А. Деменева) и т. п. Важным фактором, позволяющим выделять «пространственный» или «именной» текст культуры (их часто называют *сверхтекстами*), является его представленность в письменных (литературных) источниках, цельность такого представления, а также связь с определённым культурным контекстом.

Среди разнообразных «сверхтекстов», созданных русской культурой, особое место занимают произведения, в которых Китай описывается как *художественное пространство*, *собирательный образ*, связанный с судьбами персонажей и определяющий развитие сюжета. В дальнейшем такой «сверхтекст» будет называться «китайским текстом».

Китайский текст объединяется не только изображением Китая, его истории и природы, но воспроизведением культурных реалий, обращением к многочисленным текстам культуры этой страны, религиозно-философским идеям, образам и мифологемам, сюжетам и мотивам, стилевым и композиционным приёмам, используемым китайской словесностью. Основопологающей для «китайского текста» русской литературы стала мысль об исторической и духовной близости России и Китая, о сходстве проблем, стоящих перед обеими странами, впервые сформулированная в русской литературе XIX в.

«Китайский текст» русской литературы начал формироваться в XVIII в. и активно развивался на протяжении XIX–XXI вв. В «китайский текст» могут быть включены:

– произведения русской классической литературы XIX в., в которых описывается Китай или воспроизводятся идеи, образы и сюжеты, связанные с китайской культурой;

– литература русского «восточного» зарубежья, созданная соотечественниками, проживавшими в Харбине, Шанхае и Тяньцзине (романы, повести и рассказы; стихотворения и поэмы, мемуары, описания путешествий, очерки), в которых раскрывалась жизнь русских людей, оказавшихся в Китае, а также восприятие ими китайской культуры и особенностей быта местного населения;

– произведения современных русских писателей, в том числе тексты на тему «альтернативной» («потенциальной») истории (приключенческие повести и романы, в которых появляются образы и сюжетные линии, связанные с Китаем).

Актуальность темы диссертации обусловлена тем, что сегодня взаимоотношения с Китаем являются важнейшим фактором международного положения. Изучение эстетического восприятия Китая разными поколениями представителей русской культуры даёт уникальную возможность осмысления механизмов межкультурной коммуникации. В периоды цивилизационных сдвигов актуальным становится вопрос о значении опыта диалога между странами, продолжавшегося на протяжении трёх веков. Знакомство с уникальным опытом китайской цивилизации, развивавшейся на протяжении пяти тысячелетий, позволяет раскрыть закономерности исторического развития, понять эффективные механизмы выживания нации в сложнейших условиях.

В XX в. «китайский текст» стал занимать в русской культуре достаточно большое место (и в этом плане он сопоставим с «итальянским», «московским», «петербургским» или «пушкинским» текстами), что может быть объяснено огромной значимостью жизни страны – близкого соседа России – для понимания *собственной* истории и культуры. Изучение «китайского текста» предоставляет уникальную возможность осмысления национальной специфики русской культуры и особенностей традиционной культуры Китая, своеобразно интерпретированных русской литературой.

Объект диссертации – «китайский текст» русской литературы и созданный в нём образ Китая.

Предметом исследования являются художественные представления русских писателей XIX–XXI вв., в произведениях

которых описывается Китай или воспроизводятся образы китайцев.

Целью работы является определение художественных особенностей «китайского текста» русской литературы, а также контекстов, в которых он функционировал.

Для реализации цели были поставлены следующие **задачи**:

- определение состава и структуры «китайского текста» русской литературы;

- описание этапов становления и развития «китайского текста»;

- исследование художественных функций образа Китая в русской литературе;

- выявление в «китайском тексте» особенностей выражения национальной специфики (китайской и русской);

- изучение места «китайского текста» в культурном контексте эпохи;

- анализ художественных контекстов русской литературы XIX–XXI вв., соотнесённых с «китайским текстом»;

- уточнение методологических подходов к анализу текстов культуры.

Материалом диссертационного исследования являются художественные произведения русской литературы XIX–XXI вв., в которых представлено описание Китая (романы, повести, рассказы, стихотворения, философские эссе и другие произведения). В числе исследуемых писателей можно назвать И. Гончарова, Л. Толстого, Л. Гумилёва, В. Дорошевича, С. Третьякова, Б. Пильняка, А. Несмелого, В. Перелешина, Н. Байкова, А. Хейдока, Л. Барякину, Е. Анташкевича, И. Алимова, В. Рыбакова и др.

В работе использовался **метод культурно-контекстуального анализа** с элементами *историко-типологического* и *сравнительно-исторического* исследования. В основу методики описания образа Китая были положены фундаментальные идеи Ю. Лотмана о принципах выражения культуры в тексте. Для характеристики «китайского текста» использовались методики анализа пространственных и именных текстов, разработанные В. Топоровым, Б. Гаспаровым, Н. Меднис, В. Абашевым. Для описания особенностей

функционирования «китайского текста» в русской культуре XIX–XXI вв. и принципов его интерпретации применялись методики, использовавшиеся российскими синологами, – Н. Конрадом, Б. Рифтиным, И. Алимовым и другими известными китаеводами.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- введено понятие «китайский текст» русской литературы и выявлены его основные художественные особенности;

- определены этапы формирования «китайского текста», принципы развития и место в творчестве русских писателей;

- исследованы механизмы функционирования китайского текста в русской культуре;

- выявлена связь «китайского текста» с ценностями русской и китайской культур;

- проанализированы литературные контексты, соотнесённые с «китайским текстом» русской литературы.

Изучение китайского текста в качестве целостного феномена российским литературоведением практически не проводилось. Немногочисленные работы на эту тему посвящены либо отдельным аспектам темы, – например, политологическому (А. Лукин), либо творчеству известных писателей, в произведениях которых упоминался Китай. В 1970–1980-е гг. были исследованы взаимоотношения русских классиков (А. Пушкина, И. Гончарова, Л. Толстого и некоторых других) с Китаем. В 1990–2010-е гг. активно изучалось творчество отдельных писателей русского «восточного» зарубежья.

Теоретическая значимость исследования связана с введением понятия «китайский текст» русской литературы, а также с разработкой и уточнением понятия «текст культуры».

Практическая значимость диссертации заключается в том, что её материалы могут быть использованы в университетских курсах истории русской литературы XIX–XXI вв. (как в России, так и в Китае) и истории литературы русского зарубежья, а также в специальных курсах по проблемам межкультурного взаимодействия и литературной компаративистики.

Гипотеза исследования заключается в том, что «китайский текст», с одной стороны, определял формирование образа Китая, существовавшего в сознании русских людей, а с другой – выражал существенные тенденции развития русской литературы

и культуры в XIX–XXI вв. и воздействовал на литературный процесс.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. На протяжении XIX–XXI вв. в русской литературе формировался особый «китайский текст», в котором воспроизводился многообразный мир Китая. «Китайский текст» был соотнесён с определённым культурно-историческим контекстом («китайским контекстом»), обусловленным политическими целями и художественными задачами.

2. «Китайский текст» русской литературы отражал актуальные политические и социальные проблемы, способствовал национальной самоидентификации русской культуры и разрушению «европоцентристских» представлений.

3. Основным содержательным компонентом представлений о Китае, выраженных в «китайском тексте», являлась система социокультурных ценностей, связанных с китайской культурой, – конфуцианскими, даосскими и буддийскими принципами.

4. «Китайский текст» создавался творческими усилиями русских писателей при существенном участии российских востоковедов-синологов.

5. «Китайский текст» существовал в нескольких жанрово-стилевых разновидностях, среди которых можно отметить травелоги, литературные сказки, циклы очерков, мемуары, историко-приключенческие повести и романы, нравственно-философские трактаты и этюды.

6. В истории формирования «китайского текста» могут быть выделены три основных этапа: 1880–1910-е гг.; 1920–1930-е гг.; 1940–2010-е гг. На первом этапе «китайский текст» развивался преимущественно в форме травелогов и аллегорических сказок; на втором этапе доминировали очерки, рассказы и повести, а также лирические стихотворения; на третьем – мемуарные тексты, авантюрно-приключенческие повести и романы (в том числе в форме «альтернативной истории»). В 1990–2000-е гг. на «китайский текст» воздействовали принципы постмодернизма.

7. «Китайский текст» существовал в двух «потоках»: «советском» и «эмигрантском». В «советском» варианте текста ставились преимущественно идеологические задачи (изображение классовой борьбы и бедствий народа); в

«эмигрантском» – нравственно-философские и эстетические проблемы. Для литературы эмиграции освоение китайской культуры стало способом её существования и формой развития.

8. «Китайский текст» сформировал особый художественный язык, который включал систему символов, литературные аллюзии и реминисценции, «знаковые» детали, русифицированные китайские слова и выражения.

9. В «китайском тексте» русской литературы воплотились представления современников о гипотетическом «альтернативном» пути развития России.

Апробация результатов исследования осуществлялась в процессе обсуждения диссертации на заседании кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета, на международных конференциях, проводившихся в России, Казахстане и Китае. Материалы апробировались в процессе преподавательской деятельности в Пермском и Наньчанском университетах (в курсах для китайских студентов).

По теме диссертации опубликовано 15 работ, в том числе 5 – в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации материалов диссертационных исследований, и 2 работы – в изданиях, входящих в международную наукометрическую базу SCOPUS.

Структура работы определяется поставленными целью и задачами. Диссертация состоит из Введения, трёх основных разделов (один из которых посвящён теоретическим проблемам функционирования «китайского текста» и «китайского контекста», а также истории их возникновения) и двух разделов, связанных с отдельными этапами развития «китайского текста» русской литературы XIX–XXI вв., Заключения и Списка использованной литературы, который включает 477 наименований. Объем работы составляет 234 страницы (без Списка литературы).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** предлагается обоснование актуальности темы исследования, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, определяются её

материал, объект и предмет, цели и задачи, методологическая база, формулируются положения, выносимые на защиту.

Раздел 2. «Формирование “китайского текста” русской литературы» посвящён исследованию «китайского текста» русской культуры XVIII–XIX вв.

В истории *возникновения* «китайского текста» мы выделяем *два периода*. Первый период, начавшийся в XVIII в. и завершившийся в середине XIX в., можно назвать «предварительным». В это время в России формировались общие представления о Китае, создававшие *контекст* его восприятия. На протяжении *второго* периода, начавшегося в 1880-е гг. и завершившегося в 1910-е гг., появились произведения, которые либо содержали описания Китая, либо использовали сюжеты и образы, связанные с китайской культурой.

В подразделе **2.1. «“Китайский текст” и “китайский контекст” русской литературы XIX в.»** описывается история проникновения в Россию сведений о Китае и китайской культуре (XVII в. – начало XIX в.): возникновение «китайского стиля» *chinoiserie*, использовавшегося в садово-парковом искусстве и оформлении интерьеров, появление первых переводов произведений китайской словесности (философских трактатов, исторических сочинений, правовых текстов, отдельных художественных сочинений), выполненных с европейских языков; указывается на деятельность Русской Духовной миссии в Пекине, а также российских китаеведов – А. Леонтьева, И. Рассохина, А. Владыкина, о. Иакинфа [Н. Бичурина], – способствовавшей формированию в сознании российской публики интереса к Китаю и возникновению культурного фона – «китайского контекста», на основе которого в дальнейшем возник *китайский текст* литературы.

Китай не был освоен русскими людьми в культурном аспекте, и поэтому долгое время оставался для российского читателя загадочной страной, в связи с чем для «китайского текста» особенно важными оказывались проблемы его восприятия и интерпретации. Основную информацию о стране российские читатели получали не из личного опыта, а из переводов произведений китайской словесности.

В разделе отмечается, что русские мыслители (П. Чаадаев, А. Хомяков, Н. Данилевский, Ф. Достоевский и др.) – в отличие от европейских – не были «однонаправленными» «европоцентристами» и рассматривали судьбу России как страны, соединяющей черты цивилизаций Запада и Востока.

Особо анализируется первое произведение русской литературы, где был представлен развёрнутый образ Китая, – «географический роман» И. Гончарова «Фрегат “Паллада”», в котором выявилась важнейшая особенность «китайского текста» русской литературы: «Китай» оказывался интересен не сам по себе – как экзотическое место действия, – а как особый мир, который, с одной стороны, противопоставлялся России, а с другой – во многом походил на неё, представляя иной, не реализованный Россией путь развития цивилизации, исследование которого может многому научить русских людей, предостеречь их от потенциальных опасностей.

В подразделе **2.2. «“Китайский текст” в русской литературе 1880–1910-х гг.»** исследуется развитие «китайского текста» в последнюю треть XIX – начале XX вв. Деятельность выдающихся синологов – о. Палладия, академика В. Васильева, И. Гашкевича, М. Храповицкого, С. Георгиевского и др. – способствовала тому, что достоверная информация об истории и культуре Китая стала достоянием образованных людей.

Огромное значение для формирования «китайского текста» русской литературы имела деятельность Л. Толстого. Китай привлекал его духовными ценностями, нравственными принципами, глубинной философской мысли и интересом к сущности человека. Обращаясь к китайским текстам, Л. Толстой осуществлял перевод традиционных китайских представлений (буддийских, конфуцианских, даосских) в утверждаемую им систему «общехристианских» ценностей и соответствующих им категорий. Л. Толстой полагал, что труды китайских мыслителей являются для русского человека «путеводителем», который формирует духовные ценности, помогающие гармонично сочетать «своё» и «чужое».

Большую роль в развитии представлений о Китае играли публикации работ русских путешественников – П. Кропоткина, М. Певцова, Г. Грумм-Гржимайло, В. Семёнова, В. Корсакова,

И. Коростовца, Э. Ухтомского, А. Потаниной, Н. Гарина-Михайловского, Вас. Немировича-Данченко и др. в которых не только описывался Китай, но и ставились политические проблемы (очерки А. Амфитеатрова и В. Дорошевича). Эти произведения формировали у читателей представления о соседней стране, заставляли их размышлять о своём государстве – тем более, что многочисленные отступления на эту тему содержались в текстах травелогов. В произведениях, созданных в XIX в., основное внимание уделялось описаниям природы; в текстах начала XX в. – воспроизведению особенностей *культуры* Китая и *менталитета* его населения. Так, в очерках Н. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» раскрывалась народная культура Маньчжурии и приводились записи китайских фольклорных текстов.

В начале XX в. развитие получили аллегорические литературные сказки, в которых при помощи «китаизированных» сюжетов и образов раскрывались проблемы российского общества («Сто золотых китайских сказок» В. Дорошевича). В этот же период к китайской тематике обратились российские поэты – К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Ахматова, Н. Гумилёв. Переложения произведений классической китайской поэзии, сделанные К. Бальмонтом и Н. Гумилёвым, «эстетизировали» образ Китая, формировали собирательный образ «поэта-скитальца» и передавали важные идеи китайской культуры (представление о двойственности бытия и о способах достижения человеком гармонии с окружающим миром).

В подразделе **2.3. «Выводы»** подводятся основные итоги исследования «китайского текста» русской литературы XIX – начала XX вв. В диссертации делается вывод: в период, предшествующий Первой Мировой войне, в русской культуре сформировался развёрнутый «китайский текст» и многообразный «китайский контекст», который, с одной стороны, стал источником информации о соседней стране, с другой – использовался в качестве материала для размышлений о России и парадоксах её исторического развития.

Раздел **3. «Китайский текст» в русской литературе 1920–1930-х гг.»** посвящён периоду, во время которого описание Китая и китайцев стало занимать важное место в литературе, а

«китайский текст» стал максимально многообразным. В это время русская литература разделилась на два потока – «советский» и «эмигрантский».

«Советский» вариант «китайского текста» был насыщен пафосом оптимизма (нередко слишком демонстративного); он изначально был ориентирован на постановку политических задач (и соответственно представлял «синхронный», «горизонтальный» срез общественной жизни), или же был направлен на изображение ближайшего будущего (представляемого для советского и китайского народов «общим» или «похожим»), сущность которого заключается в «борьбе». «Эмигрантский» вариант «китайского текста» выражавший трагическое мироощущение и «пафос» пессимизма, был ориентирован на воспроизведение культурных традиций или на рассмотрение нравственно- и историко-философских проблем (то есть представлял «диахронический», «вертикальный» срез культуры).

В подразделе 3.1. «**“Китайский текст” в советской литературе 1920–1930-х гг.**» исследуются произведения В. Маяковского, С. Третьякова, Вс. Иванова, И. Бабеля, Б. Пильняка, Н. Костарёва, Е. Полевого и некоторых других писателей. В этот период Китай стал рассматриваться как страна, где в ближайшем будущем должна произойти «социалистическая революция» и которой необходимо оказать «помощь» как соратнику в борьбе с капитализмом. Такой подход способствовал росту интереса к соседней стране и её культуре. Дополнительным фактором, стимулировавшим интерес к Китаю, являлось то, что зарождающаяся «советская» литература изначально осмысливала себя как литература *интернациональная*, нацеленная на раскрытие социальных противоречий. Эти идеи стали развиваться в поэзии 1920-х гг., а в дальнейшем проникли в драматургию и прозу.

В «советском» варианте «китайского текста» большее внимание уделялось идеологическим аспектам: изображению «классовой борьбы», «революционных» выступлений «масс» трудящихся, представлению бедствий китайского народа и возможной помощи ему со стороны советских людей. «Китайский текст» был частью пропагандистской литературы, направленной на решение политических задач.

«Китайский текст» советской литературы представлен в двух основных стилевых разновидностях: *обобщённо-поэтической* (стихотворные произведения В. Маяковского, Д. Бедного, С. Третьякова), в которой Китай изображался через систему лозунгов, и *конкретно-аналитической* (очерки и рассказы С. Третьякова, Н. Костарёва, Е. Полевого), в которой давалась реалистичная картина жизни китайского народа. Особое место занимала «орнаментальная проза» Б. Пильняка («Голый год», «Китайская повесть»), написанная в *ассоциативно-аналитической* манере.

В подразделе **3.2. «Китайский текст» в творчестве русской эмиграции** исследуются произведения, созданные в главном культурном центре русского восточного зарубежья – городе Харбине. Харбин являлся «культурным анклавом», хранителем традиций русской классической культуры, успешно развивавшем её на территории Китая. Харбинцы воспринимали себя в качестве последних хранителей русской классической культуры, находящихся на её последних рубежах. Одновременно харбинские писатели стремились понять и принять «чужую» культуру страны, в которой они волею судьбы оказались, проникнуть в китайскую философию и религию, раскрыть тайны древних храмов, постигнуть глубинную сущность иероглифов.

В диссертации рассматриваются концепции исследователей, занимавшихся изучением культуры Харбина, – Ли Яньлина, Г.В. Мелихова, Е.П. Таскиной, В.Ф. Печерицы, О.М. Бакич, О.Н. Романовой, Г.П. Аникиной и др. На основании анализа их работ делается вывод о том, что русская культура Харбина может считаться межнациональной и кросс-культурной. Харбинский «анклав» стал носителем уникального опыта сохранения и трансляции традиций двух культур – русской и китайской, – преодоления межкультурных барьеров, национальных и политических границ.

В «эмигрантском» варианте «китайского текста» большое внимание уделялось *этико-философским* проблемам; эмигрантская проза наследовала реалистические традиции русской «натуралистической» литературы, а также очерковой литературы путешествий («травелогов»); поэзия – традиции

русской литературы серебряного века (символизма и – в меньшей степени – акмеизма).

В произведениях, созданных русскими писателями Харбина и Шанхая, изображалась многоликая жизнь Китая, раскрывался китайский национальный характер, а также художественно переосмысливались принципы китайского искусства.

«Китайский текст» был представлен в литературе Харбина в двух разновидностях – *поэтической* (стихотворения А. Несмелова, В. Перелешина, А. Ачаира, М. Визи, Л. Андерсен, Е. Рачинской, К. Батурина, Л. Гроссе, Л. Ещина, А. Паркау, Ю. Крузенштерн-Петерец, М. Волина, В. Марта) и *прозаической* (повести, рассказы и очерки Н. Байкова, А. Хейдока, П. Балакшина, Л. Арнольдова и др.).

Поэзия играла в жизни русской восточной эмиграции особую роль: это было «духовное ядро» культуры Харбина. Русские люди рассматривали своё пребывание в Китае как осуществление миссии сохранения русской культуры и воспринимали своё творчество как развитие поэтической школы начала XX в. На протяжении четверти века вышло около сотни поэтических сборников, в газетах и журналах было напечатано несколько тысяч стихотворений; стихи звучали в поэтических салонах и на заседаниях литературных кружков.

Поэты, проживавшие в Китае, интересовались культурой страны, в которую они оказались. Некоторые из них (В. Перелешин, С. Степанов, Ф. Камышнюк и др.) хорошо овладели китайским языком и занялись переводом как классических, так и некоторых современных текстов китайской культуры. Работая над переводами (переложениями) текстов, русские поэты экспериментировали с формой стихов (в духе опытов серебряного века). Их творчество заложило ядро системы образов и мотивов, которые в дальнейшем активно использовались писателями в переводческой деятельности.

В «китайском тексте» поэзии русской эмиграции описывалось как прошлое, так и настоящее Китая. Прошлое (обычно идеализированное), воспроизводилось через традиционные образы и сюжеты («Нарцисс» Л. Андерсен, «Ми Син» Т. Андреевой, «Песня весны во дворе» А. Ачаира, «Нё-Н» К. Батурина, «Два храма» Л. Гроссе, «Китайская шкатулка»

М. Коростовец, «Китай» В. Перелешина, «Лотос» Е. Рачинской). Современность изображалась через описание социальных противоречий («Ханчжоу» А. Ачаира, «Стихи о Китае» М. Волина, «Цуй-Хао. Танская династия» Б. Волкова, «Беженец» Л. Ещина, «О, сунгарийская столица...» В. Логинова, «Гряда» А. Несмелова, «Харбинская весна» А. Паркау, «На улице» Н. Светлова, «Курильщик», «В Манчжурии» Е. Яшнова).

На протяжении 1920–1930-х гг. «китайский текст» русской поэзии постепенно изменялся: от ранних романтико-идеалистических (во многом иллюзорных) «литературных» представлений о Китае как «потопленной» и «непостижимой» стране – к реалистическим размышлениям о судьбе своей «второй родины» и месте в ней «русского скитальца».

Прозаический вариант «китайского текста» был в большей степени ориентирован на реалистические традиции (с использованием отдельных принципов, идущих от символизма и фантастических приёмов). В диссертации анализируется проза двух писателей старшего поколения – Н. Байкова и А. Хейдока.

В произведениях **Н. Байкова** («Маньчжурский тигр», «Корень жизни – Жэнь-Шэнь», «Великий Ван», «Тайга шумит», и др.), описывалось взаимодействие человека с природой (образ которой нередко оказывался мифологизированным) в традициях, заложенных русскими писателями-натуралистами (С. Аксаковым, Л. Сабанеевым). Писателя интересовали сильные духом люди, способные принимать самостоятельные решения – независимо от их национальности. Благодаря достоверности и точности описания событий, показанных в его очерках, рассказах и повестях, читатель узнаёт об исторической ситуации, увиденной глазами русских эмигрантов.

В произведениях **А. Хейдока** представления, характерные для русской культуры, переплетались с китайскими обычаями, мифами и верованиями. Анализируя китайскую философию жизни, писатель стремился понять мировосприятие русских людей, оказавшихся в Китае. Его произведения наполнены параллелями между культурами России и Китая. Взаимодействие русской и китайской художественных систем оказалось настолько органичным, что некоторые китайские критики стали называть его «истинно китайским» писателем.

В прозе эмиграции был реализован и «идеологический» вариант «китайского текста», – правда, в гораздо меньшей степени, чем в «советской» литературе. В книгах Л. Арнольдова «Китай, как он есть» и «Этюды о Китае» – помимо изображения китайского уклада жизни и особенностей менталитета – анализировалась современная политическая жизнь страны.

Художественная проза и поэзия русских эмигрантов, проживавших на территории Китая в 1920–1930-е гг., имела большую художественную ценность, поскольку представляла «культурный мост», выстраивавшийся в процессе взаимообогащения культурными ценностями двух стран.

В разделе **3.3. «Выводы»** указываются общие особенности «китайского текста» русской литературы 1920–1930-х гг.

«Китайский текст» русской поэзии и прозы соединил два временных пласта – тысячелетнее прошлое страны и её современность. Русские писатели создали систему символов, органично вытекающую из традиционной китайской модели мира (например, небо как врата вечности, указание на мир и покой; орхидея как способ передачи женственности, изящности, утончённости, добродетельности и красоты; вода как знак преобразования и смерти, непредсказуемости проявлений природы; огонь как выражение творческое начала; свет как воплощение уюта), систему мотивов и ключевых слов («дракон», «феникс», «лотос», «орхидея», «бамбук», «чумиза», «джонка», «фанза», «гаолян», «рикша», «веер», «шёлк», «чай» и других). В дальнейшем эти символы и мотивы стали однозначно связываться с китайской культурой и широко использовались русской художественной литературой и публицистикой.

В творчестве писателей-эмигрантов сформировался развёрнутый «китайский текст», в котором раскрывались философско-этические категории китайской культуры, воссоздавалась картина жизни китайского народа. Герои произведений постоянно находились в поиске своего «Я», борясь с внутренними противоречиями в вопросах быта и бытия.

Раздел **4. «“Китайский текст” в русской литературе 1940–2010-х гг.»** посвящён исследованию художественных представлений о Китае после начала Второй Мировой войны. В это время развитие «китайского текста» проходит ряд стадий:

1. завершение русской китайской эмиграции (1940–1949);
2. «великая дружба» СССР и КНР (1950–1960);
3. «новый диалог» с Китаем (1980–1990-гг.);
4. «художественное представление» Китая (2000–2010-е гг.).

На первом этапе русская восточная эмиграция прекращает своё бытие в качестве особого художественного явления (часть литераторов возвращается в СССР, где большинство из них подвергается репрессиям, часть уезжает в другие страны). На втором этапе китайская культура входит в русскую через многочисленные переводы художественных текстов, а в русской литературе появляются её вольные переложения, а также тексты, в которых делаются попытки художественной презентации российским читателям «новой» китайской жизни. На третьем этапе (после продолжительного перерыва, связанного с событиями «культурной революции») появляются популярные книги об истории, культуре, менталитете китайцев, а также постмодернистские интерпретации истории России, выполненные с использованием «китаизированных» сюжетов и образов (повести и романы В.Г. Сорокина и В.О. Пелевина); тогда же начинают издаваться мемуары представителей младшего поколения русской эмиграции. На четвёртом этапе публикуется большое количество произведений, созданных преимущественно в жанрах приключенческих повестей и романов (в их создании активно участвовали российские синологи), в которых изображается настоящее и прошлое Китая, а также жизнь русской диаспоры, ставшая предметом художественного изображения.

В диссертации рассматриваются три наиболее масштабных явления «китайского текста»: литературные мемуары представителей русской эмиграции; романы, в которых описывается жизнь Харбина и Шанхая; приключенческие повести и романы, созданные в форме «альтернативной истории». Каждому из этих явлений в диссертации посвящён особый подраздел.

В подразделе **4.1. «“Китайский текст” мемуарной литературы 1950–2010-х гг.»** исследуются воспоминания представителей младшего поколения русской восточной

эмиграции, которые активно публиковались (как в печатной форме, так и в электронной) с конца 1980-х гг.

Особое внимание уделяется анализу двух автобиографических изданий, описывающих жизнь в Китае, – книге воспоминаний Е. Якобсон «Пересекая границы: Революционная Россия – Китай – Америка» (изданной в США) и книге Д. Зайцева «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева».

Книга Е. Якобсон является одним из лучших произведений о жизни русских эмигрантов. Создавалась она спустя много лет после того, как её автор покинула Китай, – в 1990-е гг., – и поэтому содержала не только описание прошедших событий, но и аналитические размышления (с учётом контекста последующего развития России и Китая), объясняющие особенности интерпретации событий в Китае эмигрантами, а также включала изложение опыта культурной адаптации автора к жизни в разных странах.

Книга Д. Зайцева, созданная в начале 2010-х гг., описывала жизнь нескольких поколений старообрядческой семьи, оказавшейся в Китае. Её название указывало на источник произведения – древнерусское «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное», с которым анализируемый текст сближало соединение *исповеди* и *проповеди*, сочетание элементов книжного церковно-славянского языка и народного разговорного стиля. Главный критерий, из которого исходил автор при оценке описываемых событий, – соотнесённость их с «добрым» («честным», справедливым) отношением к людям и с «правдой». В основу книги легло представление о том, что жизнь – это тяжёлый *путь* непрерывных испытаний, которым человеку предстоит идти всю жизнь. «Повесть и житие...» можно отнести к так называемой «наивной» литературе – разновидности «народной словесности», создающейся непрофессиональными авторами, для которой характерно воспроизведение ситуаций, вытекающих из личного опыта, использование фольклора, стилевая и сюжетная противоречивость.

Оба мемуарных текста – при всех жанровых и стилевых отличиях – объединяются стремлением авторов дать объективную оценку прожитым событиям – исходя из полученного в последующие годы опыта, а также интересом к жизни населения.

В подразделе 4.2. «Харбин и Шанхай в русской литературе 2000–2010-х гг.» рассматриваются художественные произведения, в которых изображается жизнь русского восточного зарубежья (произведения А. Орлова, Б. Акунина Н. Старосельской и др.). Основное внимание уделено сопоставительному анализу романов «Белый Шанхай» Э. Барякиной и «Харбин» Е. Анташкевича. В обоих романах центральное место занимает описание города как центра геополитических интересов и пересечения судеб людей разных национальностей и сословий; оба произведения можно отнести к жанру исторического приключенческого («авантюрного», «шпионского») романа.

Романы «Белый Шанхай» и «Харбин» воссоздают единую картину судеб русской восточной эмиграции и в ряде аспектов дополняют друг друга. Оба автора, изображая жизнь русских эмигрантов, раскрывали способы «вживания» в чужую среду, последствия вынужденной изоляции от Родины и процесс смирения с ролью «чужого» в новой стране. Писатели показали стремление русских создать на территории Китая «микромир» и защитить его от вторжения внешних сил, сохранив его самобытность. Этот мир оказывается для человечества ценнее и важнее, чем мнимые интересы государств и партий (за которыми на самом деле чаще всего стоят корыстные интересы конкретных людей, присвоивших себе право говорить от имени «большинства»), выдаваемые за высокие «государственные цели».

В романах показаны два разных способа «вхождения» русских людей в культуру другой страны, которые можно условно обозначить как «шанхайский» и «харбинский». «Шанхайский» способ был связан с «отвоёвыванием» личного места в чужой социальной и культурной среде, «харбинский» – с борьбой за сохранение традиционного русского уклада, сохранявшегося в городе на протяжении всего периода его «русской истории». В обоих романах показано, что люди разных национальностей и сословий, будучи предоставлены сами себе, легко могут договориться друг с другом и мирно жить рядом, принося пользу и лично себе, и своему народу.

Если применительно к русской литературе конца XVIII – первой половины XIX вв. мы говорили о «китайском контексте»

русской литературы, в качестве которого выступали исследования первых российских синологов и некоторые «нехудожественные» источники информации о Китае, то применительно к произведениям русской литературы начала ХХI в., описывающим русскую эмиграцию, можно сказать, что изображение Китая в этих романах оказывалось «контекстом» русской жизни и воссозданного в них «русского мира».

В подразделе **4.3. «“Китайский текст” российских синологов»** рассматриваются, произведения, созданные специалистами по культуре Востока. Эти повести и романы возникли под влиянием детективных произведений о Судье Ди нидерландского писателя, учёного-востоковеда и дипломата Роберта ван Гулика. К числу таких произведений могут быть отнесены роман Д. Косырева [псевдоним – «Мастер Чэнь»] «Любимая мартышка дома Тан», «Ордусский цикл» под названием «Плохих людей нет (Евразийская симфония)», созданный И. Алимовым и В. Рыбаковым (псевдоним «Хольм ван Зайчик»); цикл «О чём умолчал Пу Сун-Лин» и романная трилогия И. Алимова «Дракон».

Эти произведения основаны на глубоком знании китайской литературы, истории и культуры (и на этом основании могут быть признаны «элитарными»); одновременно их можно рассматривать как тексты «коммерческой» литературы, ориентированной на массового читателя. Историческое время гармонично совмещается с многослойным пространством культурных реалий древнего и современного Китая; реальность исторических фактов сочетается с фантастикой.

История и культура Китая оказалась подходящим материалом для постмодернистского переосмысления, приёмы которого оказались созвучны поэтике китайской словесности, всегда отличавшейся вниманием к историко-философской проблематике, высокой степенью «литературности» (проявляющейся, в частности, в широком использовании разнообразных культурных аллюзий, цитат из философских, исторических и литературных прозаических и поэтических текстов, обращением к фантастике), вызывающим у квалифицированного читателя ассоциации с прошедшими и

современными событиями и погружающим его в «смеховую» атмосферу постмодернистского карнавала.

В подразделе **4.4. «Выводы»** делается заключение о том, что 2000–2010-е гг. в русской литературе сформировался развёрнутый *художественный* образ Китая, включающий его пространство и историю, а также жизнь русской восточной эмиграции. Русские писатели рассматривали экзотический «китайский» материал через призму актуальных проблем общества, связанных с осознанием национальных особенностей культуры, исследованием перспектив её развития и способов совершенствования сложившейся общественной системы, а также с решением экономических проблем. Они стремились осмыслить место российской цивилизации и её перспективы в системе культурных координат «Запад – Восток». Важнейшими проблемами, поставленными в рамках русского «китайского текста» 1940–2010-х гг., становится художественный поиск эффективных методов транскультурной коммуникации и критический анализ опыта межкультурного диалога, накопленного русскими людьми в течение XX в.

В разделе 5. **«Заключение»** делаются основные выводы исследования. В диссертации подчёркивается, что «китайский текст» русской литературы стал органичной частью русской культуры и наследовал традиции литературы «золотого» и «серебряного» веков. «Китайский текст» русской литературы находился в постоянном взаимодействии с «китайским контекстом», с переводами китайской классической словесности. Большую роль в формировании «текста» и «контекста» играла деятельность российских синологов и путешественников.

В качестве возможных **перспектив** дальнейшего исследования заявленной в диссертации темы предлагается обращение к малоизвестным произведениям второй половины XVIII – первых десятилетий XIX вв., анализ художественно-публицистических произведений XIX–XXI вв., описывающих путешествия в Китай (в том числе размещённых в интернете) в связи с общими закономерностями развития направлений и стилей русской литературы XIX–XX вв., изучение взаимодействия «китайского текста» литературы с русским постмодернизмом конца XX – начала XXI вв., исследование

переводов произведений китайской словесности как части «китайского текста» русской литературы и её контекста, изучение «детского» варианта «китайского текста» (в том числе переложений китайских сказок), сопоставление «китайского текста» русской литературы с другими «национальными» (европейскими и американскими) версиями, а также некоторые другие проблемы.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в рецензируемых научных журналах и изданиях, утвержденных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. *Красноярова А.А., Кондаков Б.В.* «Наивная литература» как фактор литературного процесса // Казанская наука. – 2016. – № 6. – С. 31–33.
2. *Красноярова А.А., Кондаков Б.В.* «Китайский текст» русской литературы (к постановке вопроса) // Казанская наука. – 2017. – № 9. – С. 34–39.
3. *Красноярова А.А., Кондаков Б.В., Ван Кэвэнь.* «Китайский текст» русской литературы XXI века // Казанская наука. – 2018. – № 10. – С. 44–48.
4. *Красноярова А.А., Попкова Т.Д.* Харбин и Шанхай и русской литературе 2000–2010-х гг. (романы Э. Барякиной «Белый Шанхай» и Е. Анташкевича «Харбин») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 11. – С. 34–40.
5. *Красноярова А.А.* «Китайский текст» в советской литературе 1920-х гг. (на примере творчества С.М. Третьякова) // LITERA. – 2019. – № 4. – С. 143–152.

Публикации в изданиях, включённых в международные базы данных (SCOPUS):

6. *Krasnoyarova Anna, Wang Kewen, Kondakov Boris.* The Chinese Text and Context of the Russian Literature // Journal Option. University of Zulia. Experimental Faculty of Science. Department of Human Sciences. Bolivarian Republic of Venezuela. 2018. Vol. 34, Núm. 87-2 (2018). – P. 191–207.
7. *Krasnoyarova A.A., Popkova T.D., Kondakov B.V.* Life retrospective of Russian emigrants in China (On the example of the novels by

E. Baryakina “White Shanghai” and E. Antashkevich “Harbin”) // *Opcción*. – 2019. – Año 35. – No. 23 (2019). – P. 1266–1281.

Публикации в сборниках научных трудов и в материалах научных конференций:

8. *Красноярова А.А., Кондаков Б.В.* Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // *Евразийский гуманитарный журнал*. – 2017. – № 2. – С. 123–128.
9. *Красноярова А.А.* Китайский текст // Сборник материалов по итогам научной международной научной конференции «Россиеведение как новое направление междисциплинарных исследований» (30 июня – 02 июля 2017 г., Нанкин, Китай). – Нанкин, 2017. – С. 89–91.
10. *Красноярова А.А., Кондаков Б.В.* Формирование образа Китая в русской культуре // *Диалог культур: Россия и Китай на новом Шёлковом пути: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, 11 апр. 2017 г.)* / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. – С. 90–101.
11. *Красноярова А.А., Кондаков Б.В., Ван Кэвэнь, Попкова Т.Д.* Формирование русской культуры в Харбине // *Филология в XXI веке*. – 2018. – № 2. – С. 154–162.
12. *Красноярова А.А., Ван Кэвэнь, Л. Толстой и культура Китая* // *Филология в XXI веке*. – 2018. – № 2. – С. 102–110.
13. *Красноярова А.А., Ван Кэвэнь, Попкова Т.Д., Кондаков Б.В.* Формирование русской культуры в Харбине // *Филология в XXI веке*. – 2018. – № 2. – С. 111–121.
14. *Krasnoyarova A.A., Kondakov B.V.* East in the works of Russian writers (on the example of the works of L.N. Tolstoy) [东方在俄罗斯作家的作品中 (以托尔斯泰的作品为例)] // *Materials of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» – Reports in English (December 25, 2018. Beijing, PRC)* / Minzu University of China, Scientific publishing house Infinity, – Beijing, 2018. – С. 99–106.
15. *Красноярова А.А., Попкова Т.Д.* Китай в творчестве русских литераторов-эмигрантов первой половины XX столетия // *Global Science and Innovations 2019: Central Asia* [атты VI Халықар. ғыл.-тех. конф. материалдары]; [Материалы VI Международной научно-практической конференции] (Т. I) / Құраст.: Е. Ешім, Е. Абиев т.б. – Нұр-Сұлтан, 2019 – 349 б. – С. 235–238.